



Ю.В. Линник

Архетипы Преображенской церкви

Архитектура искони проявляет и закрепляет фундаментальные идеи, имеющие значение структурных матриц, направляющих процесс формообразования. Культура наслаивает на них разнообразные символические смыслы. Структура становится ещё и знаком – тектология дополняется семиотикой. Такие матрицы К.Юнг назвал архетипами. Трансляция архетипов от поколения к поколению осуществляется через коллективное бессознательное.

Архетипы реализуются как спонтанно (на основе интуитивных озарений), так и целенаправленно (на уровне осознания – с опорой на аналитический расчёт). В кижской Преображенской церкви мы обнаруживаем манифестацию сразу нескольких архетипов. Получив предельно выразительное оформление, они вступают в тонкие полифонические отношения друг с другом – порождают целую систему и пластических, и смысловых контрапунктов.

Архетип креста обрёл своё воплощение в плане церкви. История крестчатого основания уходит в глубокую древность. Мы находим его у церкви Апостолов и пророков в Гересе (V в.). Своё наиболее полное развитие оно получило в тетраконхах Византии и Закавказья. Опиралось ли русское деревянное зодчество на каменные образцы данного типа? По нашему мнению, здесь могла иметь место конвергенция – независимая реализация идеи в других условиях, на другом субстрате. Идея креста универсальна. Своё впечатление она оставила и в природе. Достаточно вспомнить семейство крестоцветных. Рост формы по четырём ортогональным координатам логичен и органичен. Морфогенез дерева – в своей обобщённой проекции – отвечает этой схеме. Импульсы такого роста деревянное зодчество могло получить от природы, минуя культурные влияния, которые в данном случае хочется считать второстепенными. На четырёхлепестковый цветок похож план Климентовской церкви в с.Уна (1501 г. – по писцовой книге; XVII в. – по датировке В.В.Суслова). В её архитектонике легко прочитываются потенции будущей Преображенской церкви. Словно здесь она предстаёт перед нами в своём зародышевом состоянии. Изоморфизм приёмов налицо! Первые два яруса кижского Преображения вполне соответствуют структуре его поморской предшественницы: восьмерик (в Уне он идёт не от «пошвы», а поставлен на квадратную центральную часть церкви) – четыре прируба – покрытие двойными бочками. Назовём ещё несколько выдающихся северных церквей, имеющих крестчатое основание:

- Вознесенская церковь в с. Пияла (1651 г.);
- Успенская церковь в с. Варзуга (1674 г.);
- Преображенская церковь в с. Кокшеньга (1683 г.);
- Богородицкая церковь в с. Верховье (XVIII в.);
- Никольская церковь в с. Шуерецкое (1753 г.).

Впоследствии эту эстафету подхватили кубоватые храмы Поонежья.

Указание на строительство крестчатых церквей встречается в летописях с конца XV в. Как пишет Ю.С.Ушаков, церкви этого типа «... при повторяющемся плановом приёме дают широкий спектр композиций»¹. В крестчатом плане кижского Преображения – благодаря масштабности – усилено космологическое звучание архетипа. Не крестовина ли лежит в фундаменте мироздания? Преображенская церковь являет из себя богато проработанную модель мира. Мы обнаруживаем в ней свод космологически значимых архетипов – их соборную совокупность, поражающий глубиной и красотой синтез. Иоанн Кронштадский пишет: «... прообразы Святого Креста в Ветхом Завете имели подобие креста четверо конечного, отнюдь не восьмиконечного»². Кижское Преображение вторит именно этому наиболее древнему изводу архетипа.

Архетип круга получает в Преображенской церкви специфическое преломление, связанное с особенностями материала: ствол дерева – если следовать классификации Аристотеля – отвечает идее прямолинейного (= земного), а не криволинейного (=небесного) движения. Дерево не поддаётся гнутю. Аппроксимацией круга в деревянном зодчестве будет многоугольный сруб. Имеется летописное указание на 20-стенную церковь (Верхний Устюг, 1490 г.). В с.Важины Ленинградской области имеется построенная в 1630 г. 10-стенная Воскресенская церковь. Для Русского Севера характерны восьмерики. Самый мощный из них поставлен в Кижях. Задавая сруб конфигурацию, асимптотически приближающуюся к линии круга, зодчие подчёркивали сакральность сооружения. Оно принадлежит небу. Вышеозначенная аристотелевская оппозиция прямого и круглого была воспринята христианством.

¹ Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры. Л., 1984. С.45.

² Иоанн Кронштадский. О кресте Христовом. М., 2006. С.33.

Восходит это противопоставление к известной таблице противоположностей, составленной Пифагором – мы находим там антитезу прямизны и кривизны, которым Платон и Аристотель придают отчётливо выраженный ценностный смысл. Согласно Платону, демиург «сообщил Вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и подобные самим себе, – а подобное он нашел в мириады раз прекраснее того, что не подобно»³. Максимум само подобия – предельное и абсолютное выражение этого качества – являет нам окружность. Она и стала планом космоса. Отдавая ей эстетическое предпочтение, Аристотель подчёркивал, что круг представляет из себя «нечто законченное»⁴. Вот его непреложный вывод, интересный как в онтологическом, так и в аксиологическом отношении: «законченное по природе первично относительно незаконченного»⁵. Первичность тут коррелирует с идеей красоты и совершенства. Возводя свои великолепные восьмерики, северные зодчие проецировали небо на землю – помогали человеку выйти в трансцендентное измерение. Восьмиугольный сруб всей своей необычностью указывает на нечто высшее, сакральное. Он отключает от всего житейского, обыденного. Человек внутри его пространства чувствует себя причастником вечности. В христианстве круг получает уже не космологическое, а теологическое осмысление. Климент Александрийский пишет о Боге: «Он представляет собой круг всех сил, сплетённых и соединённых в одно»⁶. Вот как это место из «Строматов» переводится в «Христианской символике» А.С.Уварова: «Он есть круг, в котором все силы движутся и Им же собираются (объединяются)»⁷. В свете этих представлений круг является геометрической иконой Бога. ИмPLICITно эта икона содержится в архитектонике кижского Преображения.

В ставрографической литературе мы находим такое утверждение: «Нередко для указания на вселенское значение Креста Христова как микро вселенной крест изображается вписанным в круг, символизирующий космологически сферу небесную»⁸. План кижского Преображения аналогичен этом символизму: архетип креста совмещён здесь с архетипом круга.

Архетип пирамиды также блистательно заявил себя в силуэте Преображенской церкви. Пирамида считается одним из алломорфов Мировой Оси. Издревле она является орудием духовного возрастания – отрывая человека от эмпирической плоскости, содействует установлению его связи с небом. Кижское Преображение успешно выполняет эту задачу. Оно символизирует горение духа. Пламя устремляется вверх по вертикали. Ещё Платон связал «... образ пирамиды с началом и семенем огня»⁹. Этот первоэлемент у него ассоциирован с треугольником. При формализованном представлении пламя имеет именно такую геометрию. Кижское Преображение указывает на Фаворскую вспышку. Пирамидальность получает в свете этой связи дополнительную коннотацию.

Архетип пирамиды тесно соположен с архетипом лестницы. В некоторых архитектурных сооружениях эти архетипы совпадают. Такова ступенчатая пирамида Джосера в Древнем Египте. Другой пример – вавилонские зиккураты. Параллель к подобным совмещениям даёт кижское Преображение. Четыре лестничных каскада сходятся в ноуменальной точке. Ключ к пониманию этой структуры дают «Ареопагитики». Вспомним, что именно они вдохновили аббата Сюжера на создание готики – архетип лестницы является конституирующим для этого стиля. «Ареопагитики» читались и почитались на Русском Севере. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин включил труды Дионисия Ареопагита в один из своих сборников. Прочитируем древнерусский текст: «поскольку по мере нашего восхождения слова, собранные умной сферой, сокращаются, постольку и теперь мы, входя в преумный (существующий над умами) сумрак, обретаем не малословие, но совершенное бессловие и неразумение. И уже оттуда свыше, к последним нисходя, слово по мере своего нисхождения всё более и более распространяется. И тотчас же от нижних (дольних) восходит к расположенным выше, и по мере восхождения сокращается, и в конце восхождения делается совершенно беззвучным и всё соединится с неизвещанным (словом)»¹⁰. Здесь очевидно влияние эманационной лестницы неоплатонизма: свет изливается сверху вниз – по мере удаления от первоисточника он умалывается, теряет силу. Дионисий Ареопагит как бы обращает эту лестницу – зеркально инверсирует её: возможно и обратное движение от дольного к горнему. Философия «Ареопагитик» растворена как в шатровых, так и в многоглавых пирамидальных храмах.

³ Платон. Сочинения. М., 1971. Т.3., ч.1. С.473.

⁴ Аристотель. Сочинения. М., 1981. Т.3. С.268.

⁵ Там же. С.268.

⁶ Климент Александрийский. Строматы. СПб., 2003. Кн.4-5. С.68.

⁷ Уваров А.С. Христианская символика. М.; СПб., 2001. С.77.

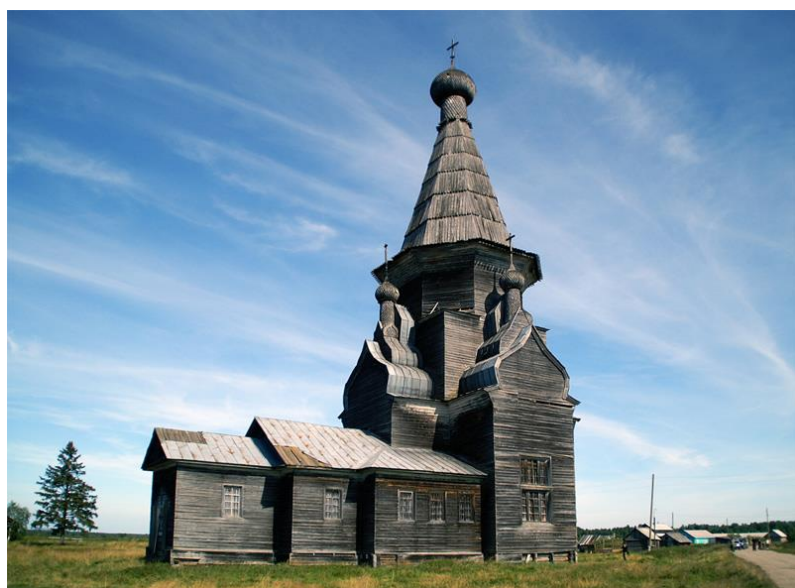
⁸ К.В.П. История развития формы креста. М., 1997. С.22-23.

⁹ Платон. Сочинения. С.473/

¹⁰ Древнерусские Ареопагитики. М., 2002. С.293.

Известен спор о том, какое движение они символизируют: от земли к небу – или от неба к земле. И то, и другое! Подобную двусторонность мы видим в лестнице Иакова. И Дионисий Ареопагит, и Иоанн Лествичник никогда не упускали её из виду. Движение вверх коррелирует с уменьшением разнообразия: лестница устремляется к Единому – стягивается в нём. И наоборот: нисхождение связано с нарастанием разнообразия. Сколь точно эту философию отражает структура Преображенской церкви! Замечательно, что в русском переводе «Ареопагитик» усилен исихастский момент: внизу – соборное многоголосие, вверху – абсолютное безмолвие. Естественно, что и этот переход моделирует кижская лестница-тетрактида: у подножия – восхищённые «ах», в кульминации – немота и изумления.

Тринитарный архетип именно в «Ареопагитиках» наитеснейшим образом увязан с архетипом лестницы. Для её иерархического построения характерно триадное членение. Понятие Троицы впервые ввёл Феофил Антиохийский во II-м столетии. Долгое время оно было для христиан самым заповедным, требующим особой защиты. Как пишет А.С.Уваров, «таинственными завесами христианская символика ограждала учение о Святой Троице»¹¹. Тринитарная символика подчас имела сходство с криптограммой. Сокровенный смысл тщательно зашифровывался. И тем не менее, не выходя на передний план, глубинная семантика всё же имела наглядное выражение! Нечто подобное мы видим в кижском Преображении. Три его иерархически уменьшающихся восьмерика, дополнительно озвучивая архетип лестницы, в проекции дают концентрическое тоекружие. Это один из символов Троицы. Кижское Преображение неявно указывает на тринитарный догмат. Семантика этого сооружения бездонна. Отсюда не следует, что архетипы, получившие здесь гениальное художественное раскрытие, программно закладывались в него строителями. Скорее всего, что это был имманентный процесс, в котором с максимальной полнотой оказались востребованными накопления христианской культуры, отложившиеся в коллективном бессознательном русского народа. Кижское Преображение содержит в себе компендиум основополагающих архетипов и символов. Это наисложнейший текст. Многие его слои ещё не высвечены наукой.



Вознесенская церковь в д. Пияла. Онежский район Архангельской области (1651 г.)

¹¹ Уваров А.С. Христианская символика. С.76.



Успенская церковь в с. Варзуга (1674 г.)



Никольская церковь в с. Шуерецкое (1753 г.).